

A BOT BOIPPOC

КТО НАЧАЛ ПЕРВУЮ МИРОВУЮ?

ВЫСТРЕЛЫ В САРАЕВО

ИГОРЬ МАКАРОВ

А вот вопрос

Игорь Макаров

**Кто начал первую мировую?
Выстрелы в Сараево**

«Алисторус»

УДК 94(100) «1914/19»
ББК 63.3(0)532

Макаров И. А.

Кто начал первую мировую? Выстрелы в Сараево /
И. А. Макаров — «Алисторус», — (А вот вопрос)

ISBN 978-5-00269-482-2

28 июня 1914 года в Сараево двумя выстрелами из револьвера были убиты наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга герцогиня София Гогенберг. Эти выстрелы стали первой костяшкой домино, обрушение которых привело сперва к Первой мировой войне, а затем и к обрушению европейских монархий и перекраиванию карты мира. Кажется, виновником этой череды геополитических катастроф был сербский студент Гаврила Принцип... Так ли это? Кому и зачем было выгодно снять с шахматной доски фигуру эрцгерцога? Какую роль в этом событии играли спецслужбы, тайные общества и масоны? Первое независимое и объективное расследование убийства, ставшего поводом к началу Первой мировой войны. На основе огромного количества малоизвестных или совсем неизвестных материалов из редких сербских и немецких источников (включая даже архив Белградского гестапо), автор полностью раскрывает причины и подоплеку этого события. Увлекательнейшее расследование читается как захватывающий детектив и будет интересно всем, кто интересуется историей

УДК 94(100) «1914/19»
ББК 63.3(0)532

ISBN 978-5-00269-482-2

© Макаров И. А.

© Алисторус

Содержание

Голова льва на блюде	7
Глава первая. Алиби полковника Артамонова	9
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Игорь Макаров

Кто начал первую мировую?

Выстрелы в Сараево

© Макаров И. А., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Народы забывают иногда о своих национальных задачах, но такие народы гибнут, господа, они превращаются в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы.

П. А. Столыпин

Голова льва на блюде

Маленькое предисловие

По приказу князя Милоша Обреновича, вождя второго сербского восстания против турок, черногорец Никола Новакович в 1817 году отсек голову Карагеоргию, вождю первого восстания. Голова сербского льва отсечена в селе Радованье, а оказалась на блюде... перед турецким султаном в Царьграде. С тех пор сербы начали враждовать: кто за Обреновичей, кто за Карагеоргиевичей.

Насилие, в ее различных формах, – читаем в академическом сербском издании, – примечательная особенность сербской политической культуры на протяжении всего XIX века. Убийство во имя порядка, к чему в чрезвычайных ситуациях прибегал еще Карагеоргиевич, со временем стало основным средством, которым князь Милош прокладывал путь к своей абсолютной власти. (1)

Милош был умным, лукавым, но очень коварным правителем. Его самоволие не захотели терпеть «уставобранители» (молодые да ранние поклонники сербской конституции, первая из которой была принята именно при Милоше), и в июле 1839 года вместе с младшим сыном Михаило он покинул Сербию. В Белграде остался его старший сын, смертельно больной Милан, который вскоре умер. «Уставобранители» привели на престол князя Александра, сына Карагеоргия.

В декабре 1858 года те же «уставобранители» вернули князя Милана на престол, и князь Александр занял его место в эмиграции. Старый Милан умер в сентябре 1860 года Михаило, унаследовавший власть, был искусным и образованным правителем, при нем Сербия быстро развивалась, становясь внушительной военной силой на Балканах. Но турки по-прежнему сидели в сербских крепостях и устраивали беспорядки. В апреле 1867 года в крепости Калемегдан наконец состоялась торжественная передача турками сербам ключей от столицы и других городов: через 583 года Белград снова стал сербским.

После убийства Михаило 29 мая 1868 года сербский престол занял Милан Обренович, внук брата Милоша, так как убитый князь не имел законных наследников. Князь, позднее король, Милан Обренович в 1889 году отрекся от престола в пользу своего сына Александра, который со своей супругой Драгой погиб в результате переворота 29 мая 1903 года (дату царевубийцы выбрали явно неспроста). «Московский Листок» в заметке «К Белградской трагедии» писал:

В Москве вчера только и разговоров было об ужасной трагедии, заключившей печальную историю династии Обреновичей, – об этом возмутительном преступлении, жертвами которого пали последний из Обреновичей и его супруга... Страшная весть об этом царевубийстве поразила всех, поразила своими леденящими душу подробностями, обилием так зверски, так безжалостно пролитой крови. Особенно угнетало известие, что это ужасное, гнусное убийство совершено офицерами, руководителями армии, которая призвана служить опорой престолу. (2)

С тех пор грозные тучи над Балканами налились свинцом, а под престолами и алтарами задрожала земля. 28 июня 1914 года серб Гаврило Принцип убил в Сараеве австро-вен-

герского престолонаследника Франца Фердинанда. Образно говоря, его голова оказалась на блюде устроителей нового мирового порядка...

Вот здесь-то и начинается наш рассказ.

1. Владимир Јовановић. *Тајна полиција Кнежевине Србије. (Политичко насиље и управљачке стратегије у Србији 19 века)*. Београд, 2012. С. 157.
2. *Московский Листок*, 31.05.1903.

Глава первая. Алиби полковника Артамонова

Вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена, она не была неожиданной, и даже при определении начала ее ошибались только на полгода.

Адмирал А. В. Колчак

Из показаний на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии в Иркутске, январь 1920 года.

1. Сербия – его судьба

В 1953 году югославские власти опубликовали секретный рапорт полковника Аписа, бывшего начальника сербской разведки, который при желании можно трактовать и так, что русский военный атташе в Белграде Виктор Алексеевич Артамонов сподвиг Аписа к заговору против Франца Фердинанда. В рапорте говорилось о том, что Артамонов давал Апису деньги на проведение разведки в Боснии, но эти деньги будто бы без ведома Артамонова, были фактически потрачены на организацию убийства Франца-Фердинанда. История эта очень темная, и, чтобы сделать свои выводы, нам придется неторопливо распутывать узелок за узелком.

Из досье русского военного агента:

Артамонов Виктор Алексеевич (9 октября 1873, Саратовская губ. – 23 августа 1942, Панчево). Из обедневшей дворянской семьи, которая, судя по послужному списку Артамонова, «не имела движимого и недвижимого имущества». Подполковник (6.12.1904), полковник (6.12.1908), генерал-майор Генштаба (6.12.1915). Окончил Симбирский кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище (1892) и Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Из училища вышел в Лейб-гвардии Волынский полк в звании подпоручика (1894). После окончания академии служил по Генеральному штабу в Одесском военном округе. Помощник (1902–1904), а затем старший адъютант штаба Одесского военного округа. Военный агент (атташе) в Греции (10.05.1907—14.10.1909). Военный агент в Сербии (14.10.1909–1916).

Историк разведки М. Болтунов уточняет, что Артамонов учился отменно, окончил курс академии по первому разряду. Затем «тянул лямку в пехоте» и, «как наиболее перспективный офицер, был рекомендован в разведку, в штаб Одесского военного округа». (1)

Артамонов получал неизменно хорошую характеристику, считался примерным военнотружущим, владел рядом иностранных языков, благодаря чему и попал в Генеральный штаб. Его отличительной чертой являлись верность делу, честное служение родине, неподкупность. Он не шел ни на какие сделки, чтобы не скомпрометировать Россию, решительно отказался от сотрудничества с сербской тайной организацией «Черная рука», уведомлял о любых неофициальных предложениях не только Генеральный штаб, но и министерство иностранных дел... Полковник Артамонов пользовался авторитетом в военных кругах Сербии у верховного командующего армии принца-регента Александра и даже у самого короля Петра. (2)

В апреле 1914 года русский путешественник Г. Комаров, побывав в Белграде, отметил:

Военный агент полковник Артамонов здесь уже четыре года. Король любит говорить представляющимся ему русским, что он очень ценит

полковника Артамонова и что сербская армия во многом обязана русскому полковнику Артамонову. (3)

Состоял при сербской Главной квартире все время войны на Балканах. Вместе с сербской армией участвовал в отступлении в Албанию и переправе на о. Корфу в конце 1915 года. В рядах Русского экспедиционного корпуса воевал на Салоникском фронте.

Вместе с сербскими войсками в Салоники прибыл также русский военный агент в Белграде, полковник Артамонов, не покидавший сербской армии в течение всего времени ее трагической судьбы. Впоследствии полковник (ныне генерал) Артамонов принял на себя также функции русского коменданта в Салониках и председательствование в комиссии по эвакуации больных и раненых из Салоник. Своим участливым отношением... генерал Артамонов заслужил особую благодарность русских частей, сражавшихся в Македонии. (4)

В ноябре 1918 года вместе с сербской армией вернулся в Белград, где был представителем вождей Белого движения А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. Активно участвовал в переезде в Сербию и устройстве трех русских кадетских корпусов и двух женских институтов (1920). Тогда же, по настоянию начальника штаба Русской армии генерала П. Н. Шатилова, сдал свой пост генералу Д. Н. Потоцкому и был принят в иностранный отдел королевского генштаба. Умер в русском госпитале в Панчеве от последствий ранения, полученного при немецкой бомбардировке Белграда в апреле 1941 года. Похоронен, по некоторым сведениям, на белградском *Новом гробле*.

Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1905); Св. Анны 3-й ст. (1906); Св. Анны 2-й ст. (декабрь 1912); Св. Владимира 4-й ст. (декабрь 1913); Св. Владимира 3-й ст. (март 1915).

Жена Людмила Михайловна (по некоторым данным, немка); трое детей (на 1905–1911); двое детей (на 1914).

Ниже впервые на русском языке публикуется (в моем переводе с немецкого) мемуарный очерк В. А. Артамонова (Берлин, 1938).

II. Воспоминания о моем пребывании в Белграде в должности военного атташе

Нам удалось подвигнуть бывшего русского военного атташе в Белграде, генерала Артамонова, к тому, чтобы предоставить «Берлинер Монатсхефте» свои воспоминания о пребывании в Белграде в должности военного атташе. Генерал Артамонов в ходе борьбы по вопросу об ответственности за войну упоминался в непосредственной связи с зачинщиками покушения в Сараеве. Тем больший исторический интерес вызывают заметки генерала Артамонова, который был убежденным противником балканской политики Австро-Венгрии.
Редакция Berliner Monatshefte.

С большой охотой я откликаюсь на пожелание редакции «Берлинер Монатсхефте» предоставить в ее распоряжение мои воспоминания о периоде службы в должности военного атташе в Сербии. Я прекрасно понимаю, что каждая из обеих участвовавших в мировой войне партий остается при своих особых позициях, взглядах, как, впрочем, и легендах, которые историкам тяжело согласовать друг с другом. Поэтому я прошу читателей услышать внепартийный голос из славянского лагеря.

Мировая история последних 200 лет, в особенности если принять во внимание войны между Россией и Турцией, показывает, что участие России в печальной судьбе балканских

государств служит лишь свидетельством их горькой планиды. Нельзя, правда, утверждать, что преследуемые балканскими государствами цели освобождения от гнета Турции всецело отвечали готовности России поддержать справедливые устремления этих порабожденных народов. Нам при этом не требуется заглядывать глубоко в мировую историю. Нам только требуется вспомнить, что русско-турецкая война 1877—78-х годов ни в коем случае не была начата по желанию и при подготовке русского правительства – скорее, напротив, вопреки его воле, под давлением общественного мнения. Сказанное равным образом относится к Балканской войне 1912 года, которая также разразилась не по желанию и без согласия официальной России. София и Белград узнали об одобрении Россией их намерений только от Александра И. Гучкова, который посетил обе столицы летом 1912 года. Известно, что он был депутатом Думы и видным политиком, однако ни в коем случае не был уполномочен выражать мнение русского правительства. Напротив, он был известен тем, что очень часто его взгляды не совпадали со взглядами правительства. Участие в Англо-бурской войне подчеркивало его стремление к приключениям, хотя, может быть, до известной степени оно могло быть оправдано высокими идеалами.

В бытность военным атташе в Белграде, в годы перед Балканской войной, я часто посещал помощника начальника сербского Генерального штаба полковника Живоина Мишича. Это был великий славянин, патриот и настоящий солдат. Часто он мне говаривал в шутку, сожалея о постоянных ссорах на Балканах: «Русские должны нас, балканцев, выстроить строем и приказать: на-пра-во, на-ле-во...». В ответ на это я вынужден был выразить мои сильные сомнения в том, проявят ли балканцы в каждом отдельном случае готовность покориться воли России и не заявят ли либо те, либо другие, что их собственные интересы удовлетворены не полностью. Было абсолютно невозможно привести к согласию все интересы, и мы это испытали на себе, хотя балканские государства при определении своих границ выбрали русского царя в качестве третейского судьи. Болгария в 1913-м его решения дожидаться не стала.

Это показывает, каким слабым было влияние русского царя на решения балканских народов, когда они боролись за свои интересы. Поэтому тезис о том, что Россия в 1914 году побудила Сербию выступить чуть ли не в роли авангарда в спланированной ею войне против Австро-Венгрии, несостоятелен. Подобного влияния на Сербию Россия не имела; вместе с тем нельзя не принимать во внимание, что Сербия после Балканских войн 1912—13-х годов была изнурена и никак не в состоянии была вести даже оборонительную войну. Россия же, которая после войны с Японией еще не полностью восстановила свои силы и еще не завершила всю программу вооружения, была мало готова к новой войне.

Я вспоминаю, какое неприятное впечатление произвело на русских военных специалистов дважды появившееся в печати в первой половине 1914 года заявление русского военного министра генерала Сухомлинова о том, что Россия готова к борьбе. Эти заявления, напоминавшие высказывания французского генерала Лебефа от 1870 года, не отражали истинную русскую военную готовность, совершенно не учитывали внутреннее самочувствие русского народа, а в особенности установки руководящих военных кругов. На самом деле – правда, по некоторым устаревшим оценкам – была подготовлена только полевая армия, выполнение большой программы вооружения не было завершено; многое другое также находилось в неудовлетворительной степени готовности (тяжелая артиллерия, снабжение боеприпасами, система войскового пополнения во время войны и т. д.). А такого рода подготовленность имела решающее значение. Как можно в таком случае оправдать высказывания Сухомлинова? Разъяснение, приводимое в воспоминаниях генерала Сухомлинова, что тем самым он желал оказать давление на кабинет Думерга – Кайо относительно осуществления французской программы вооружения, выглядит откровенно слабым. И указание Сухомлинова на нервное состояние русского народа в этом случае также не имеет доказательной силы. В свою очередь, попытка Сухомлинова обмануть западных специалистов, т. е. убедить их в готовности России к войне,

была напрасной и выглядела по-детски. С другой стороны, неправильные и безрассудные заявления Сухомлинова давали иностранной прессе повод для атаки на «воинственную Россию» – эпитет, который эта страна не заслужила.

Я приехал в Белград из Афин, где был военным атташе с 1907 по 1909 год. Я прибыл в сербскую столицу 19 декабря 1909 года, как раз в день именин царя Николая II. Во время благодарственного молебна в русской дипмиссии я был лично представлен Е.К. В., тогдашнему наследнику престола Александру, господину Н. Пашичу, членам его правительства, некоторым представителям дипломатического корпуса, а также персоналу дипмиссии.

Посланник, господин Николай Гартвиг, который позднее сыграл в Белграде действительно выдающуюся роль, прибыл в Белград из Персии в августе 1909 года. Он был сыном врача, Генриха Гартвига, без сомнения, немецкого происхождения, который жил в русской Центральной Азии. Юный Николай, кроме высшей школы, посещал еще и Петербургскую музыкальную школу, так что едва не посвятил себя музыке вместо дипломатии. Если бы Гартвигу захотели дать прозвище, то лучше всего ему бы, вероятно, подошло такое – «немецкий друг». В свое время он был освобожден от своей должности в Тегеране, потому что в персидском вопросе не поддерживал взгляды русского министерства иностранных дел и без конца вступал в споры как с министром иностранных дел Извольским, так и с представителем Англии в Тегеране. Как известно, в 1907 году Извольский заключил с Англией договор о разделении сфер влияния в Персии. Во всяком случае, господин Гартвиг был приверженцем политики хороших отношений между Россией и Германией и, без сомнения, противником войны между этими двумя государствами.

Соперничество между Австро-Венгрией и Россией в вопросе разделения сфер влияния на балканские государства, в особенности на Сербию, которую Австро-Венгрия в своих устремлениях к Салоникам хотела превратить в вассальное государство, чтобы при благоприятных обстоятельствах присоединить к монархии и перейти от дуализма существующего государственного союза к триализму, привело, естественно, к напряженным отношениям между русской дипмиссией в Белграде и энергичными и воинственными представителями активной австрийской политики на Балканах – графом Форгачем и его преемником, генералом Гизлем фон Гизлингеном. Когда я прибыл в Белград, отношения между русской дипмиссией и представителем Австро-Венгрии господином Угроном по своей природе были еще вполне дружественными, вероятно, потому, что господин Угрон был венгром и не придавал значения вовлечению Венгрии в триализм и увеличению численности славян в Габсбургской монархии. Очень удовлетворительными были отношения с немецкими представителями, господином посланником бароном Гринингером и консулом господином Шлибенем.

Я приехал в Белград сразу после того, как здесь разыгрался ряд бурных политических конфликтов между Сербией и Австро-Венгрией: Таможенная война 1906 года, процесс Фридь-юнга и аннексионный кризис 1908/09 годов. Аннексия Боснии и Герцеговины сильно возбудила сербский народ. Вспоминаю один пикантный эпизод. Известно, что Турция после аннексии получила от Австро-Венгрии финансовое возмещение за уступку своих прав на Боснию и Герцеговину. На одном из ужинов у Фуад-паши, турецкого посланника в Белграде (в 1910 или 1911 году, точную дату я не помню), куда были приглашены многие дипломаты, присутствовала и супруга М. Спалайковича, начальника отдела министерства иностранных дел – урожденная боснийка, дочь господина Ефтановича из Сараево, руководителя радикального сербского крыла в Боснии. В болезненном разговоре с хозяином стола она в моем присутствии произнесла: «Я была вашей турецкой подданной, но вы нас продали Австро-Венгрии по 10 фр. за душу». Фуад рассмеялся, но это был горький смех. Я думаю, этот эпизод не требует комментария.

Смена династии в 1903 году повлекла за собой новую внешнеполитическую ориентацию Сербии. Во время последних Обреновичей политика часто преследовала интересы, которые

расходились с желаниями парламента; более того, она часто противоречила им, как, впрочем, и настроениям народа. И если они (Обреновичи) искали опору в Австро-Венгрии, то король Петр, в духе швейцарской конституции допускавший в государственных делах большую свободу, стал проводить внешнюю политику, возлагая все надежды на могущественный северный братский народ.

В марте 1910 года король Петр нанес визит в Петербург царю Николаю. В августе 1911 года его дочь, принцесса Елена, вышла замуж за русского великого князя Иоанна Константиновича из царской династии Романовых. Существовали и другие возможности брачных связей между членами этих правящих домов.

В мае 1911 года престолонаследник Александр был назначен генеральным инспектором сербской армии. С большим рвением он посвятил себя решению этой задачи, стремясь ознакомиться со всеми военными вопросами. Мне припоминается, что однажды я получил от него приглашение прибыть в 7 часов утра ко Двору. Отсюда мы на машине двинулись вдоль Дуная по направлению к Дубравице, которая лежит на дунайском берегу, а оттуда далее, на Костилац. Речь идет об острове Дубравица, который вытянулся на 20 километров по течению Дуная. Согласно полученному сообщению, австрийцы начали фортификационные работы, которые имели большое значение для переправы через Дунай, поскольку названный остров лежит напротив устья Моравы. Проведение этих работ на острове могло служить указанием на то, какой из двух возможных планов вторжения собираются предпочесть австрийцы: захват жизненно-важной артерии страны, зоны между Белградом и Крагуевацем – Кральево или же план вторжения в Сербию с использованием благоприятной обводной формы границы. Этот план в 1914 году безуспешно попытался применить генерал Потиорек. В тот момент наблюдение за островом через бинокль не позволяло установить что-либо, достойное интереса или внимания. Сегодня же самолет, оснащенный фотокамерой, позволит передать полную картину происходящего.

В январе 1912 года, в утренние часы, я был приглашен премьер-министром и министром иностранных дел М. Миловановичем в министерство, где мне представили проект военной конвенции между Сербией и Болгарией. Содержание последней сводилось к тому, что в случае нападения со стороны Австро-Венгрии или Турции союзники должны были оказать друг другу взаимную помощь. Я не счел нужным вступать в дискуссию по поводу тех или иных деталей и цифр, но, как славянин, мог только приветствовать намерение славянских народов оказывать друг другу взаимопомощь.

Как я уже упоминал, летом 1912 года господин Гучков посетил Софию и Белград. Он появился, как всегда, случайно там, где пахло порохом. Тем же летом 1912-го прибыл в Белград господин Венизелос, и я познакомился с ним у господина Гартвига во время этого визита.

Как-то раз в начале 1912 года престолонаследник Александр пригласил меня на конную прогулку по окрестностям Белграда. Во время этой прогулки Е.К.В. во второй раз попытался выяснить мое мнение о возможной войне балканских государств против Турции. В ответ я недвусмысленно заявил, что от русского Генерального штаба я не получал никаких указаний относительно того или иного воздействия на военно-политическое положение. При этом я позволил себе лишь обратить внимание Е.К.В. на мои славянские чувства и на тот военно-политический опыт, который я приобрел в период службы в высоких русских штабах и в русских дипмиссиях на Балканах. Я указал на неготовность России к войне и на невозможность (что уже доказали 1908—09-е годы) поддержать балканские государства вооруженной силой в случае неудачного исхода войны с Турцией или в случае возможных политических осложнений в результате этой войны. Известно также, что балканская война разразилась в то мгновение, когда того пожелали союзники.

Лишь после победы при Куманово военным атташе было позволено посетить театр военных действий. Поражение турок очень неприятно удивило моего австрийского коллегу, гос-

подина капитана Отто Геллинека. Прежде всего, ему не была точно известна численность сербских войск первого призыва. Вследствие этого его донесения и предположения оказались фальшивыми, и это привело его в сильное расстройство и дурное настроение. По прибытии в Скопье, во время совместного ужина в отеле, между ним и сопровождавшим нас сербским капитаном произошла стычка. Дискуссия была возбужденной; Геллинек в резких словах потребовал от Сербии дать гарантии того, чтобы никогда в будущем она больше не возвращалась к боснийско-герцеговинскому вопросу, т. е. должна раз и навсегда торжественно отказаться от Боснии и Герцеговины. Чувство несправедливости, которое было привито славянским народам на Берлинском конгрессе 1878 года, поселившись в сердце каждого настоящего славянина, оказалось неизгладимым. Вследствие этого понятно, почему я не мог обойти молчанием эти неподобающие и оскорбительные требования капитана Геллинека и противопоставил ему славянскую точку зрения по этому вопросу.

На следующий день военные атташе отправились на осмотр поля битвы при Куманово. Несомненные следы этой большой победы, захваченные пушки, повозки и т. д. еще больше усилили возбуждение капитана Геллинека. Признаюсь, что я в немного ироническом виде воспринимал его невежливые и злобные выпады по адресу людей той страны, гостями которой мы были. К концу осмотра поля битвы снова произошел неприятный раздор. По понятным соображениям сербский полковник из ставки Главного командования не хотел пропускать в Вену зашифрованную телеграмму Геллинека из Скопье, т. е. непосредственно с театра военных действий, предполагая, что содержащиеся в этой телеграмме ценные для турецкой армии сведения будут тем же телеграфом переданы из Вены в Константинополь. Как только Геллинек узнал, что его телеграмма не достигла Вены, он демонстративно вернулся из Скопье в Белград, чтобы оттуда отправить в Вену зашифрованное донесение.

Сербский полковник из ставки Главного командования квартировал в Скопье, где и остался. По приглашению престолонаследника Александра я вместе с французским военным атташе полковником Фурнье отправился в Прилеп, где по приказу Е.К.В. находился штаб Главного командования I. Здесь в течение нескольких дней мы имели возможность наблюдать бои при Битоли. Рано утром 6 ноября, одновременно с передовыми линиями сербской пехоты, мы вступили в завоеванный город. Там я оставался около десяти дней и по окончании операции на македонском театре военных действий вернулся через Салоники в Белград.

Я не собираюсь более подробно останавливаться на известных событиях после первых успехов союзных балканских государств: на воодушевлении славянских народов в Австро-Венгрии, на афере Прохазки, на возбуждении правящих кругов Двойной монархии, на закрытии границы с Сербией, на всех препятствиях и трудностях при установлении границы Албании и в особенности на вопросе Шкодера. Возбуждение австрийцев проявилось и в их поведении на пограничных реках – на Дунае и Саве. Их мониторы и патрульные боты сновали взад и вперед, а иногда по ночам их прожекторы освещали Белград. В это время отношения между Сербией и Дунайской монархией были очень напряженными. Над Сербией постоянно нависала военная угроза со стороны Австро-Венгрии.

Я опускаю также роковую со славянской точки зрения балканскую войну между бывшими союзниками, которая началась с нападения Болгарии на Брегалницу. Во время этой войны я держался в стороне от ставки сербского командования в Скопье. Спустя два года этот печальный для славян эпизод получил еще более трагическое продолжение.

В конце сентября 1913 года я пережил незабываемое событие в моей жизни. В завершение охоты, которая была организована в присутствии престолонаследника Александра в государственном имении Рога, в долине Моравы, и на которую, кроме меня, были приглашены господин Гартвиг с дочерью и господин М. Спалайкович, Его Высочество совершенно неожиданно сделал предложение продолжить нашу прогулку до Скопье, города царя Душана. Господин Гартвиг и его дочь уже имели другие обязательства и не смогли принять это предложение,

и, таким образом, в путь до Скопье вместе с престолонаследником отправились лишь я и господин Спалайкович.

Нужно представлять себе драматическую историю сербского народа в прошлом столетии, чтобы правильно оценить перемены, произошедшие после турецкого крушения, и чтобы судить о чувствах, охвативших престолонаследника Александра и др. Спалайковича при посещении места, где и свершился сей исторический переворот. Такие же чувства охватили и меня, как свидетеля и очевидца этих событий и как русского, приветствовавшего их самым искренним образом.

После двухдневного пребывания в Скопье, минуя Качаник, на королевском поезде мы направились в Косово поле (Поле черных дроздов), откуда продолжили свое путешествие на автомобиле. Мы посетили знаменитую церковь Грачаницу, могилу султана Мурата, реку Ситницу, отдавая дань памяти битве на Косово в 1389 году, которая принудила сербов к 500-летнему турецкому игу. Теперь Косово было отмщено, и сербский народ вернул эту область к самостоятельной и свободной жизни внутри своего национального государства. Медленно, однако, вертится колесо истории... При этой победе национальной идеи и триумфе ее знаменосцев мне довелось присутствовать, и это я никогда не забуду.

Балканские войны закончились для Сербии победоносно, однако общее положение государства было небезопасным. Ведущие сербские политики совершили одну большую ошибку. Они не позаботились своевременно о восполнении израсходованных в войне материалов. Собственных оружейных заводов Сербия не имела. Она была вынуждена заказывать за границей пушки и винтовки. Какие бы причины ни лежали в основе этого – политические, финансовые или прочие, – в любом случае такие заказы не были произведены вовремя. Мне неизвестно, на кого рассчитывала Сербия до июля 1914 года – на оружейные заводы в Западной или в Средней Европе. Что касается России, то мне известно, что соответствующий отдел сербского военного министерства в сентябре 1913 года справлялся у русского государственного оружейного завода в Туле на предмет того, может ли он взять на себя поставку примерно 400 000 винтовок модели Маузер для сербской армии. Названный завод, к его большому сожалению, к тому не был готов, поскольку на длительный срок был загружен заказами для русской армии, которая также не была обеспечена достаточным количеством оружия. Только после личного ходатайства в Петербурге господина Пашича русское военное министерство в первой половине 1914 года в ущерб своим собственным интересам дало указание поставить сербской армии 120 000 винтовок русского образца (до тех пор сербская армия была вооружена маузер-винтовками). В начале августа 1914 года (старого стиля), т. е. после первых боев на Дрине и Саве, эти русские винтовки с двумя миллионами орудийных снарядов прибыли по Дунаю в Сербию.

Я думаю, почти никому не известен тот факт, что 8/21 июля 1914 года, за два дня до вручения австрийского ультиматума Сербии, компетентный отдел сербского военного министерства заключил договор с фабрикой Erhart (*правильно: Erhardt – И. М.*) в Германии о поставке шрапнелей для сербской артиллерии. Разве это не доказательство совершенно мирного расположения Сербии в отношении Германии, а равно и в отношении германских союзников?

Во время Балканских войн я собрал очень много материала о ходе военных действий, в особенности о боях 1912 года при Куманово и Скопье. В конце февраля 1914 года вместе с моим коллегой из Софии, полковником Генерального штаба Романовским, я был приглашен в Петербург, чтобы представить доклад о Балканских войнах. В ожидании аудиенции у Е. В. Государя Николая II мне пришлось на долгое время задержаться в Петербурге, и в Белград я вернулся только 30 апреля. В то же самое время в Белград отправился и капитан Генерального штаба Александр И. Верховский (*в оригинале: Alexander I. Werkowski*). Поскольку он первым с отличием окончил Николаевскую Академию Генерального штаба, ему было дано разрешение на пребывание за границей с целью сбора материала для разработки избранной им академической темы. Верховский выбрал тему: «Руководство войсками в Балканской войне 1912—13».

С тем он и прибыл в Белград. Верховский отличался настоящими способностями, но в юные годы сильно склонялся к социалистическим идеям, что перед русско-японской войной создало ему большие трудности по службе. Однако своим храбрым поведением во время той войны он не только заслужил награждения Георгиевским крестом, но и дал повод к восстановлению своей служебной карьеры. Я представил капитана Верховского компетентным лицам сербского военного министерства, с тем чтобы те облегчили ему доступ к собранию необходимых материалов. Со своей стороны, я предоставил в его распоряжение мои собственные материалы.

Волнения, вызванные Балканскими войнами, к тому времени еще не улеглись. После вторжения албанцев у Пишкопее и его решительного отражения под началом генерала Дамьяна Поповича (*сентябрь 1913 года – И. М.*) начались недоразумения в других местах: относительно новых границ между Сербией и Черногорией с одной стороны и Албанией – с другой; при разграничении между Сербией, Грецией и Болгарией и т. д. Эти волнения возникли после демобилизации и потребовали постепенного, но постоянного наращивания войск в так называемых Новых областях. Территориальное расширение Сербии также делало необходимым повышение боевой эффективности. К уже существующим дивизиям добавились две новые – Вардарская дивизия и Косовская. Уже осенью 1913 года между политическим руководством и Главным командованием возникли разногласия как по поводу способов и приемов управления в Новых областях, так и относительно разделения полномочий между государственными и военными органами. Победу одержало политическое руководство, и генерал Живоин Мишич, помощник начальника Генерального штаба Главного командования, был отправлен в отставку. Лишь когда разразилась мировая война, он был возвращен к своей прежней должности, на которой и снискал заслуженную славу.

Помимо этих внутривнутриполитических вызывали тревогу и внешнеполитические события: назначение принца Вида правителем новообразованного королевства Албании, свидания кайзера Вильгельма с австро-венгерским престолонаследником в Мирамаре и Конопиште. В Конопиште кайзера сопровождал и гросс-адмирал фон Тирпитц, что особенно заинтересовало английскую общественность. Обоснованно или нет, но сербский народ эти встречи воспринимал иначе, чем их нам описывает покойный государственный секретарь фон Ягов, утверждающий, что кайзер Вильгельм хотел навестить в Конопиште только ради любования цветущими розами. Сербский народ верил, что при этих свиданиях были приняты важные для близкого будущего мира военные решения. В любом случае эти события принуждали военного атташе в Белграде к бдительности и осторожности в оценках.

Поскольку после трехлетней непрерывной работы мои силы несколько ослабели, в конце мая 1914 года (старого стиля) я по совету врача выпросил двухмесячный отпуск в Швейцарию, куда меня должен был сопровождать мой старший сын, в ту пору 15-летний. Я предпринял все меры к тому, чтобы во время моего отсутствия служебное производство не прерывалось. К капитану Верховскому я обратился с просьбой внимательно следить за ситуацией, постоянно поддерживать прямую связь с дипмиссией и в случае крайней необходимости отозвать меня телеграфом в Белград. Я сообщил господину Верховскому точный временной распорядок моего пребывания в тех или иных местах Швейцарии. О принятых мерах я уведомил русский Генеральный штаб, а равно господина Гартвига, который не имел никаких возражений против моего отпуска. Капитан Верховский переселился в мою довольно просторную квартиру. 6/19 июня я вместе с супругой и сыном выехал через Вену в Швейцарию. Мой младший, в ту пору шестилетний сын остался со своей гувернанткой, немкой из Риги, еще на некоторое время в Белграде. Они должны были присоединиться к нам в окрестностях Риеки (Фиуме), поскольку вторую половину моего отпуска мы собирались провести на море.

Благодаря врожденной пунктуальности я сохранил дневник моего путешествия. Во время отпуска я вносил в него не только посещаемые места, отели и даже номера комнат, в которых мы останавливались, но и ежедневные расходы. Этот дневник начинается 6/19 июня

и заканчивается 17/30 июля, в тот день, когда я прибыл в Ниш, где сербское правительство укрылось после разрыва дипломатических отношений с Австро-Венгрией. Из этого дневника видно, что во время отпуска я с семьей останавливался в следующих местах: Цюрих, Витцлау, Интерлакен, Монтре, Горнерграт, снова Интерлакен, Лаутербрунн, Майринген, Андерматт. Затем через Милан, где я не задержался, мы направились в Венецию. После короткого пребывания там мы продолжили наше путешествие, направляясь в Фиуме (Риеку), и позднее остановились в Ловране. Там мы поселились на вилле Бушбек. В Ловрану я прибыл 7/20 июля. Период между 6/19 и 15/28 июня был для меня временем настоящего отдыха. Известие о покушении в Сараево грянуло как гром с ясного неба и пробудило много дурных предчувствий относительно будущего. Была ли нужда триумфатору-победителю в день народной скорби сербов, в день памяти Косовской битвы, торжественно вступать в столицу приграничного государства, население которого после аннексии было настроено ожесточенно? Могло ли это быть воспринято иначе, нежели провокация? Было ли австро-венгерское правительство достаточно осведомлено о душевном состоянии славянского народа?

Это событие, покушение в Сараево, положило конец моему отдыху. По три раза в день выискивал я газетные сообщения, судорожно следя за развитием событий. Я ждал телеграмму из Белграда, ждал вызова от Верховского, но все впустую. Известия из Вены указывали, что и там считали нереальным возложить на Сербию ответственность за это преступление, которое было совершено одним-единственным фанатиком, к тому же урожденным боснийцем. Австро-венгерский военный министр и начальник Генерального штаба ушли в отпуск. Без радости продолжил я свое путешествие по намеченной программе, обращая мало внимания на красоты знаменитых уголков Швейцарии. Постоянно мучили меня тревоги и ужасные предчувствия больших событий. 29 июня/12 июля мы посетили Штауббах и снова направились в Интерлакен, чтобы посмотреть в летнем театре Вильгельма Телля. Пошел дождь, и вся прогулка казалась испорченной. При входе в театр нам неожиданно встретился господин Угрон, бывший австро-венгерский посланник в Белграде. «Ах! Господин полковник, что за несчастье у вас произошло», – таковы были первые слова сочувствия, произнесенные господином Угроном. «Что, собственно, случилось?» – спросил я, думая, что в России произошло что-то страшное. Но господин Угрон передал мне весть о внезапной смерти господина Гартвига, который скоропостижно умер в австро-венгерском посольстве при посещении барона Гизля. Господин Угрон опасался нежелательных комментариев по поводу этого события со стороны русской и сербской общественности. И действительно, очень скоро в народе возникла легенда о том, что господин Гартвиг был отравлен с помощью кофе или сигарет. Еще и сегодня трудно доказать непосвященному свету, что господин Гартвиг умер именно естественной смертью, которая стала естественным следствием его образа жизни и его состояния здоровья. Господин Гартвиг имел обыкновение писать свои содержательные и убедительные донесения в русское министерство иностранных дел в промежутки с 1 часа ночи до 5 часов утра, когда ему никто не мешал и он мог сконцентрировать свои мысли. Он спал с 5 до 9 утра и с 2 до 4 пополудни. Остальное время посвящал визитам, приемам, игре в бридж и музыке, к которой он имел особые способности. Решающим обстоятельством было, однако, то, что господин Гартвиг весь день напролет курил сигареты и пил крепкий чай. К тому же он был гурманом, но не «*bonne fourchette*», как говорят французы, каким был его постоянный партнер по бриджу, сербский министр иностранных дел М. Милованович. Господин Гартвиг страдал от болезни сердца и полноты. Каждый год он проводил два месяца, июль и август, в Бад-Наухайме и возвращался, похудев на 10 кг. В конце июня 1914 года с его здоровьем дело снова обстояло плохо. Он с трудом передвигался пешком, задыхался, руки и ноги дрожали. Вполне понятно, почему он умер незадолго до своего отъезда в Наухайм, ибо к его болезни добавилось и волнение вследствие серьезных событий. Этого его сердце перенести не смогло.

Получив от господина Угрона сию печальную весть, я тут же поспешил на почту. В отделении «poste restante» я получил письмо, которое покойный господин Гартвиг написал мне за два дня до своей смерти. Можно понять чувства, которые у меня вызвало это письмо. Господин Гартвиг сообщал мне, что в Белграде нет следов тревоги, что господин Пашич перед предстоящими выборами отправился в сербскую провинцию, что госпожа Гартвиг наносит визит своему сыну, консулу в Варне, и что первый секретарь дипмиссии, господин В. Штрандтман, вернулся из своего отпуска и теперь взял отпуск секретарь-переводчик господин Г. Мамулов. Сам же он пока остается в Белграде, чтобы 29 июня/12 июля присутствовать на торжествах в честь дня рождения короля, а затем 2/15 или 3/16 июля выезжает в Наухайм. Письмо заканчивалось фразой: «Я могу со спокойной совестью наслаждаться заслуженным отдыхом».

Письмо господина Гартвига до некоторой степени успокоило мою больную совесть, укоруявшую меня за то, что я не нахожусь на своем посту. К тому же постоянные угрозы Австро-Венгрии, которыми она осыпала Сербию во время Балканских войн, сделали мои нервы несколько менее восприимчивыми, и они не так остро, как раньше, реагировали на каждую вспышку напряжения.

Наше пребывание в Швейцарии приближалось к концу, поскольку вторую половину моего отпуска мы решили провести в окрестностях Фиуме. 2/15 июля мы отправились по железной дороге из Андерматта через Милан в Венецию. Там мы провели два дня и 7/20 июля прибыли в Фиуме. Осмотрев Криквеницу, Аббацию и Ловран, мы остановили свой выбор на Ловране и 7/20 июля поселились в здешнем пансионе, на вилле Бушбек. В тот самый день наш шестилетний сын в сопровождении своей гувернантки выехал из Белграда, чтобы присоединиться к нам, и 9/22 июля прибыл в Ловран. Гувернантка передала мне письмо капитана А. Верховского.

Это письмо от 7/20 июля, т. е. когда до вручения австрийского ультиматума оставалось три дня, было, как и письмо господина Гартвига, очень успокоительным. Особенно примечательным было сообщение о том, что сербский военный министр разрешил отпуск за границей ряду офицеров. Подобное допускалось только тогда, когда не существовало никаких опасений относительно каких-либо осложнений. Известно, что неожиданный ультиматум Австро-Венгрии и быстрое объявление ею войны застигли начальника сербского Генерального штаба, генерала Радомира Путника, а также инспектора инфантерии, генерала М. Мариновича, и еще несколько офицеров в Австро-Венгрии, и все они, за исключением генерала Путника, были интернированы и четыре года вынуждены были провести в заключении. Как я полагаю, это доказывает, что совесть ведущих сербских кругов ничто не тяготило, ибо они исходили из того, что никакой войны быть не может.

9/22 июля я получил письмо от Верховского, а уже на следующий день Белграду был вручен австрийский ультиматум. Напрасно обращался я в телеграфные агентства в Ловране, Аббации и Фиуме в ожидании известий от Верховского. Позднее я узнал, что он мне выслал три телеграммы, но я их не получил. Столь же безуспешным было посещение русского консула в Фиуме, господина Е. Гилки, у которого я хотел выяснить ситуацию.

Рано утром 13/26 июля в Ловране была объявлена мобилизация. Это был ясный ответ на все вопросы и сомнения. Я оставил мой большой багаж в отеле «Royal» в Фиуме и с семьей поспешил на вокзал. Давка была большой. Все посетители морского курорта возвращались домой или на свои мобилизационные пункты. Только благодаря любезности одного славянина, исполнявшего обязанности начальника станции, нам удалось сесть в специальный поезд. В 9 часов вечера мы тронулись. Поскольку все места были заняты, мы вынуждены были довольствоваться коридором вагона, также переполненным. Примерно в 3 часа утра 14/27 июля мы прибыли в Аграм (Загреб). До прибытия белградского поезда мы были счастливы прикорнуть на деревянных скамьях зала ожидания, чтобы немного отдохнуть после бессонной ночи. Пассажирский поезд на Белград прибыл в 9 утра, с двухчасовым опозданием. Мы смогли взять

билеты только до Землина. Поезд был забит под завязку, и пассажиры пребывали в большом возбуждении. На всех станциях проходили патриотические митинги, но самое сильное возбуждение царило в Сисаке. Коммерсанты, которые ехали с нами в поезде, ярко дискутировали о невыносимом положении страны и видели в войне единственный выход. Поезд все больше запаздывал и прибыл в Славонски Брод на 4½ часа позднее расписания. Последовав совету проводника, мы пересели в Брое на скорый поезд, который нас здесь догнал. Когда я шел вдоль перрона между двумя военными поездами, на одном из которых боснийские сербы ехали с севера на восток, а другой вез хорватов в Боснию, то стал свидетелем разных ссор между солдатами.

В Митровице поезд получил вооруженное сопровождение: к каждому вагону приставили двух солдат с примкнутыми штыками. После полуночи, с 14/27 на 15/28 июля, мы прибыли в Землин. Я предъявил полицейскому служащему свой дипломатический паспорт, и он предложил сопроводить меня с семьей в отель на ночлег. По такому случаю он мне сообщил, что 14/27 июля румынское судно «Эльза» совершило несколько рейсов между Землином и Белградом, чтобы доставить сербов из Землина в Белград, а австрийцев и немцев из Белграда в Землин. Этот обмен, по всей вероятности, будет продолжен на следующий день. Перед входом в Гранд-отель стояли два солдата с примкнутыми штыками, а в коридорах, у дверей всех номеров, виднелись одни офицерские сапоги.

Утром 15/28 июля я пошел в полицейское бюро. Здесь я узнал, что пароход «Эльза» уплыл и переправа закрыта. В обеденные часы штабом XIII армейского корпуса генерала Ремена мне был предложен пропуск, с которым я мог бы пешком перейти железнодорожный мост, ведущий в Белград. Вследствие высокого уровня воды добраться до моста на автомобиле было, однако, невозможно. Нужно было идти несколько километров по щебню между рельсов и вдобавок нести на себе ручной багаж. Я отказался от этого предложения и, указав на опасность «недоразумений», объявил, что не имею желания совершить прогулку с семьей между аванпостами австрийских и сербских линий.

В 1 час 15 минут в Землин на мотоботе прибыл граф Шпее, новоназначенный немецкий генеральный консул в Белграде, брат адмирала, погибшего в битве при Фолклендских островах. Представившись, я разъяснил ему свое положение. Граф Шпее, естественно, был очень сильно заинтересован, чтобы вывезти из Белграда немцев и австрийцев, и настоял на том, чтобы венгерский пароход «Зриньи Миклош» был подготовлен для выполнения этой задачи. В 2 часа пополудни стало известно, что Вена телеграфировала в Ниш об объявлении войны. Тем самым исчезла всякая возможность переправы в Белград. Я был очень рад, что при таких обстоятельствах не решился предпринять прогулку по мосту. В эти часы около 150 сербов на набережной Землина ожидали переправы на свою родину. Видя, что граф Шпее намеревается вернуться на своем мотоботе в Белград, я попросил его перевезти и меня с семьей. Он согласился. Это неудивительно, потому что Россия и Германия еще не находились в состоянии войны. Мотобот встал на якорь возле австрийского патрульного бота «Д». Его команда с любопытством наблюдала за нашей погрузкой на консульский бот под немецким флагом. Очень скоро бот отчалил от набережной Землина и взял курс на Белград. Мы с графом Шпее обменялись мнениями о разразившемся конфликте, причем каждый представил точку зрения своей нации. При этом граф Шпее выразил мнение, что сербская столица не будет защищаться и останется открытой для австрийских войск. Эти слова меня обескуражили, поскольку мне не был известен сербский оборонительный план и я не был информирован об обороне Белграда. Но сообщение графа Шпее, которое, очевидно, происходило из австрийских источников, оказалось правильным. Чтобы не подвергать бомбардировкам и разрушению свою столицу, сербские военные власти решили не защищать Белград, считая его открытым городом. Однако случилось иначе: сербы взорвали железнодорожный мост между Белградом и Землином, и все попытки австрийцев переправиться были отбиты. Таким образом, надежды австрийцев и вера

их союзников в то, что Белград падет в первый же день войны, оказались тщетными. Для хода войны это имело большое значение.

Мотобот генерального консула, на котором мы разместились, в 3 часа пополудни пристал к белградскому берегу Савы вблизи железнодорожной станции. Моя семья с поклажей направилась в экипаже домой, а я пошел напрямик в военное министерство. Я застал его пустым, потому что правительство, министерства, учреждения и дипломатический корпус покинули Белград и переместились в Ниш. Белград выглядел наполовину опустевшим и мертвым. Едва я вернулся на свою квартиру, как по телефону дал о себе знать наш поверенный в делах господин В. Штрандтман. Перед тем как отправиться в отпуск, я сдал на хранение поверенному в делах кассету, содержимое которой составляли шифры, деньги и ключи от сейфа, в котором находилась тайная корреспонденция. Сам сейф я оставил в своей квартире под надзором капитана Верховского и моего денщика, солдата гвардейского полка. После вручения австрийского ультиматума Белграду Верховский послал мне три телеграммы в Ловран (которые я, как уже говорилось, не получил), перенес сейф в русскую дипмиссию, а сам вернулся в Россию. Персонал русской дипмиссии переселился в Ниш, забрав с собой мою кассету, в которой находились ключи от сейфа. Обо всем этом из Ниша сообщил мне господин Штрандтман, добавив, что Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

Облачившись в свою униформу, я отправился в русскую дипмиссию, где с помощью слесаря вскрыл сейф, вынул документы, необходимые упаковал в чемодан, а все остальные бумаги сжег в камине. Между тем семья приготовила все для моего отъезда в Главную квартиру, в Ниш, и в 7 часов я уже был на вокзале. По неведомым причинам поезд тронулся только в 11 часов вечера. Не успели мы отъехать примерно 30 км от Белграда, как услышали сильный взрыв: сербы подняли на воздух железнодорожный мост между Белградом и Землином. В 1 час ночи 17/30 июля я прибыл в Ниш, где и присоединился к персоналу дипмиссии. Русской дипмиссии было предоставлено большое здание, так называемый дворец королевы Наталии. Через несколько дней я выехал в Крагуевац, в расположение Главного командования.

Вследствие спешного отъезда из Белграда я был вынужден бросить семью на произвол судьбы. При моей семье тогда находились еще две дамы русского происхождения: жены высших сербских офицеров со своими детьми. В тяжелой ситуации моя жена поначалу не хотела разлучаться с этими дамами. Вместе они пережили первую бомбардировку Белграда, когда была разрушена железнодорожная станция, после чего регулярное движение поездов из Белграда сделалось невозможным. Спустя два дня моя семья, не сумев взять с собой ничего из личных вещей, в экипаже покойного господина Гартвига покинула Белград. Квартира со всей ее обстановкой была брошена на произвол судьбы. В экипаже моя семья добралась до Рипани и оттуда поездом до Ниша. Очень скоро через Болгарию и Румынию она вернулась в Россию. Вновь увидеться с семьей мне удалось лишь весной 1918 года в Париже. Она покинула свою родину, потому что та к тому времени пала под господство большевиков.

Я обращаюсь к внепартийному миру с вопросом, согласуется ли все изложенное с легендой о том, что Россия имела умысел вызвать войну – в частности, мне досталась роль ее поджигателя и роль в подготовке покушения в Сараево. В этой легенде меня связывают с полковником Драгутином Димитриевичем, звавшимся «Апис», руководителем «Черной руки». При этом стоит напомнить, что до 1914 года «Черная рука» находилась в постоянной оппозиции к правительству, иногда противопоставляя себя и династии и что акция «Черной руки» для «Аписа» и его сторонников трагически закончилась в Салониках.

Внепартийному миру должно быть понятно, что при таких обстоятельствах мне, как русскому военному представителю, было бы некорректно поддерживать с Д. Димитриевичем-Аписом иные отношения, кроме официальных. К последнему я был принужден в силу своего положения, поскольку от Д. Димитриевича, занимавшего в сербском Генеральном штабе должность начальника разведывательного бюро, получал необходимую информацию. Я встре-

чался с господином Димитриевичем исключительно в его канцелярии в Большом Генеральном штабе. Среди прочего нельзя забывать, что Россия и Сербия в этой части Европы имели одного и того же вероятного противника.

Имена и поступки людей, замешанных в покушении в Сараево, мне стали известны лишь позднее из прессы и литературы.

Еще раз я спрашиваю внепартийный мир, какую выгоду сулили России смерть эрцгерцога Франца Фердинанда и его устранение от престолонаследия? Я отвечаю: никакой! И если его смерть явилась причиной или предлогом для мировой войны – войны, которую Россия не желала, будучи не готова к оборонительной, не говоря уже о наступательной войне, – то я могу только сказать, что убийство Франца Фердинанда означало для России большое несчастье, от роковых последствий которого она страдает еще и по сей день.

Источник: Artamonov Victor A., *Erinnerungen an meine Militarattachezeit in Belgrad // Berliner Monatshefte*. Berlin, 1938. № 7/8. S. 583–602.

Постскриптум:

Журнал «Berliner Monatshefte» начал выходить в Берлине в 1923 году (до 1929 года – под названием «Die Kriegsschuldfrage»). Тираж колебался от 2500–3000 (1925) до 3500–4000 экз. (1931); четверть его направлялась иностранным, прежде всего, американским читателям. Издатели: Аугуст Бах и Альфред фон Вегерер, руководитель «Центрального ведомства по изучению причин войны», бывший офицер германского генштаба. Журнал активно стремился публиковать иностранных, в том числе русских авторов (так, в том же номере рядом с воспоминаниями Артамонова помещены «Подневные записки русского министра иностранных дел» графа Петра Шувалова о Берлинском конгрессе 1878 года). После выхода номера за июль-август 1944 года журнал прекратил существование.

«Воспоминания» Виктора Артамонова не остались незамеченными на Балканах. Уже в сентябре 1938 года они в купюрах были перепечатаны в сараевском журнале «Преглед». Всего же, по сведениям югославского академика В. Дедиера, В. Артамонов четырежды опровергал свое участие в заговоре.

В первый раз – в личном письме Драгише Стоядиновичу (Стоядинович, стр. 170), затем в *Berliner Monatshefte* и устно – в беседах с Бернадотом Смитом, *Journal of Modern History* (ноябрь – декабрь 1955, стр. 410–414), и Альбертини (5).

К сожалению, трудно понять, в какой книге Д. Стоядиновича следует искать адресованное ему письмо В. Артамонова, потому что, вероятно, по своей оплошности Дедиер ее названия нигде не приводит. Кстати, Л. Альбертини из беседы с Артамоновым вынес впечатление, что тот хитрит и нечто скрывает.

Может возникнуть вопрос: почему, собственно, нацисты пропустили в печать веющие славянофильством воспоминания полковника? В этом никакой особой загадки нет. Просто у нас создалось искаженное представление о ситуации в Германии конца 30-х годов. Однако, как ни странно, при Гитлере выходило много благожелательных публикаций о России. Многие русские эмигранты вольготно устроились в Третьем Рейхе. Журнал «Berliner Monatshefte» принадлежал к тому крылу, которое не хотело войны с Россией – в 1938 году оно было еще влиятельно. И наконец, следует учесть, что статья Артамонова была опубликована в порядке полемики, а не как позиция германской общественности. Проще говоря, в рамках свободы мнений. И опубликована, как видно из вводной ремарки, по инициативе редакции, которая много раз обращалась к Артамонову с просьбой объяснить.

III. Имена и судьбы

О тех, кого упоминает Артамонов

Александр Карагеоргиевич (1888—9.10.1934) – король сербов, хорватов и словенцев, затем Югославии (1921—34). Окончил Пажеский корпус в Санкт-Петербурге (1904), провозглашен наследником престола (1909). Всего за четыре дня до убийства Франца Фердинанда король Петр I объявил Александра регентом Королевства Сербии. Убит в Марселе террористом.

Венизелос Элефтериос (1864–1936) – греческий политик-масон, несколько раз занимавший должность премьер-министра (1910—33).

Верховский Александр Иванович – см. главу III.

Вид Вильгельм (1876–1945, Бухарест) – первый и единственный князь Албании. Представитель княжеского рода Видов, близкий родственник германского кайзера Вильгельма. Родился и вырос в Германии. 7 февраля 1914 года принял предложение занять албанский трон, к чему его подталкивала Австро-Венгрия. Но здесь ее интересы столкнулись с Италией, желавшей превратить Албанию в свою колонию, а также с Грецией, поскольку в Южной Албании со времен ранней античности имелось крупное греческое меньшинство. Принц правил Албанией до 3 сентября 1914 года. Опасаясь за свою жизнь, покинул страну и вернулся в Германию. Формально оставался князем албанским до 31 января 1925 года, когда Албания была провозглашена республикой.

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859, Потсдам, – 4.06.1941, Нидерланды) – германский император и король Пруссии (1888–1918). 28 ноября 1918 года отрекся от престола.

Гартвиг Николай Генрихович – см. главу IV.

Геллинек Отто (1876—7.03.1919) – майор (Артамонов называет его капитаном) Генерального штаба, военный атташе Австро-Венгрии в Сербии (1910—14). При назначении на должность было учтено его знание сербского языка. С 22 декабря 1915 года – шеф военной администрации Сербии. В начале мировой войны с ним по службе столкнулся австрийский военачальник Альфред Янза и также дал тому отрицательную оценку:

Затем к руководству службой разведки (*Балканского театра военных действий* – И. М.) пришел бывший военный атташе в Белграде обер-лейтенант (?) Геллинек, который с первой встречи показался мне неприятной личностью из-за своей безграничной надменности, следствием чего была недооценка сербской армии. Это диаметрально противоречило сложившемуся у нас в Сараеве мнению. Позицию недооценки сербов усиливал Поттиорек... (6)

Однако австрийский журналист Д. Лончаревич иначе отзывался о майоре:

В качестве австр. – венг. военного атташе в Белграде с лета 1909 года фигурировал майор Генерального штаба Отто Геллинек; у него сложилось довольно верное представление о военных достоинствах сербской армии, тем не менее он полагал, что при военном столкновении исход борьбы не будет вызывать сомнений; однако в Европе произойдет разделение на враждующие блоки, и это сведет на нет военное превосходство Австро-Венгрии. Вышло так, что Геллинек в Генеральном штабе оказался не у дел. (7)

Гилка Е. – русский консул в Фиуме, крупном морском порту на Адриатике. В. Пикуль отмечает, что перед Первой мировой войной Фиуме был известен «производством торпед,

которые за большие деньги покупал русский флот для своих миноносцев» (роман «Честь имею»). В городе тогда действовало 20 иностранных консульств.

Гизль фон Гизлинген Владимир (1860–1936) – австрийский дипломат и генерал кавалерии (август 1914); по некоторым данным, чешского происхождения. В декабре 1909 года назначен послом в Цетинье (Черногория), а 13 ноября 1913 года – послом в Белграде. 23 июля 1914 года вручил австрийский ультиматум Сербии, а по получении ответа признал его неудовлетворительным и тут же отбыл в Вену. Был женат на сербке из Далмации и с 1919 года жил в Белграде, приняв гражданство Королевства СХС. В разгар Июльского кризиса в кабинете Гизля скоропостижно скончался Н. Г. Гартвиг. Кавалер сербского ордена Данила 1-й степени и Таковского креста 3-й степени.

Гризингер Юлиус Адольф, барон (1863—?) – германский посол в Белграде (1911—14).

Гучков Александр Иванович (1862–1936, Париж) – русский политик. С началом Англо-бурской войны (осень 1899) вместе с братом Федором отправился волонтером в Трансвааль сражаться на стороне буров. Тяжело раненный, попал в плен к англичанам; после выздоровления отпущен в Европу под «честное слово». Председатель III Государственной думы (1910—11), член Государственного совета (1907 и 1915—17), председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915—17), лидер партии «Союз 17 октября». Военный и морской министр Временного правительства; в 1918 году эмигрировал. Вошел в первые русские логи, генерал Сухомлинов называл его «масоном первого призыва». После 1920 года был «радиирован» – вычеркнут из масонских списков навсегда. Жена Зилоти Мария Ильинична (1871–1938); дочь Вера (1906–1987).

В период мировой войны подозревался в государственной измене. Из показаний известного контрразведчика полковника А. И. Резанова судебному следователю по особо важным делам Омского окружного суда (Париж, 15 апреля 1921 года):

Между прочим, нами было установлено, что из числа больших страховых обществ общество «Россия», захватившее в свои руки преимущественно страхование флота, сообщало неприятелю военные секреты флота... Добытые материалы были направлены в надлежащем порядке, и предварительное следствие по делу производилось судебным следователем по особо важным делам Гудваловичем. Положительно знаю от самого Гудваловича, что виновность Гучкова (*директора правления общества – И. М.*) была установлена и признана им. Гучков подлежал привлечению к следствию в качестве обвиняемого в государственной измене. Но революция спасла его. (8)

Елена Петровна (1864, Цетинье – 1962, Ницца) – единственная дочь сербского короля Петра I Карагеоргиевича (братья: Джордже и Александр, будущий король). После переворота 1903 года ее отец занял сербский престол и выдал дочь за русского князя. Свадьба Елены и князя императорской крови Иоанна Константиновича (1886–1918), сына великого князя Константина Константиновича, состоялась 21 августа 1911 года в Большом Петергофском дворце; невеста была в русском платье из серебряной парчи, но без серебряной короны, так как жених не был великим князем. У них родилось двое детей: Всеволод (1914–1973) и Екатерина (1915–2007).

В 1918 году Иоанн Константинович вместе с братьями Игорем и Константином были высланы в Вятку, затем в Екатеринбург, а в мае перевезены в Алапаевск. В ночь с 17 на 18 июля Иоанна Константиновича и его братьев живыми сбросили в шахту под городом и забросали гранатами. В конце июля, уже после гибели мужа, Елена Петровна под арестом была перевезена в Пермь. В судьбу принцессы вмешались сербское и норвежское посольства, и в ноябре 1918 года она была переведена в Москву. Врач С. Мицкевич констатировал у нее «психоневроз в стадии тяжелого психического угнетения... с приступами острой тоски, с мыслями о самоубий-

стве». Президиум ВЦИК постановил передать ее норвежскому посольству, после чего Елене Петровне удалось перебраться в Стокгольм, где уже находились ее свекровь и дети. Детей она увезла в Сербию, затем жила с ними во Франции и Англии. После пережитого возненавидела Россию и не пожелала, чтобы ее дети учили русский язык.

Ефтанович Глигорийе (1840–1927) – торговец, землевладелец, член городской управы Сараева (1910) и ряда законодательных органов Боснии. Награжден орденом Франца Иосифа II степени (1911). После покушения на Франца Фердинанда хорватские и мусульманские демонстранты разгромили его дом, торговые лавки, конюшни и отель «Европа» (первое современное здание в Сараеве, построенное в 1882 году), а редакцию «Сербской речи» разрушили до основания. Много позднее австрийский фельдмаршал-лейтенант Альфред Ямза так описывал этот погром:

На обратном пути в госпиталь, проезжая через город, я встретил шествие демонстрантов, главным образом мусульманского населения, против совершенного преступления. Было интересно наблюдать, с какой точностью население знало, кто из местных сербов состоит в связи с Королевством Сербией. У их домов раздавались призывы не делать этих гадостей, но демонстранты начали врываться и в эти дома и тут дали волю своим рукам. Тем временем демонстранты ворвались и во владения радикального сербского вождя Ефтановича и уничтожили богатые гаражные постройки для гоночных автомобилей и все его роскошные авто.

Найденная в доме Ефтановича документация явилась поводом к обвинению его в тайных связях с Сербией. 25 июля 1914 года арестован, осужден к одному году заключения; помещен под домашний арест под залог 40 тыс. крон; в 1917 году (июнь – декабрь) подвергался повторному заключению.

А. Янза уделил внимание и потомству Г. Ефтановича. «В ту пору, – пишет он, – в Сараеве было только два хороших отеля – “Централ” и “Европа”».

Первый был под управлением венгерского еврея, второй принадлежал очень богатому сербскому политику Григорию Ефтановичу, у которого был сын, учившийся в Венском университете, и казавшаяся малопривлекательной дочь, которая, однако, после того как вышла замуж за адвоката Сршкича, расцвела и стала прекрасной дамой. Поскольку Ефтанович был руководителем радикальных, действовавших против Монархии сербов, мы приветствовали этого господина, награжденного кайзером орденом Короны, и его семью с подчеркнутой сдержанностью и ужинали в отеле «Централ» чаще, чем у него. Избегать же его совершенно означало бы также нарушить желаемую Веной тенденцию, которая стремилась замирить враждебно настроенные элементы посредством особого снисхождения и предупредительности. Когда в начале декабря 1911 года юный эрцгерцог Карл со своей молодой женой Зитой прибыл на одну ночь в Сараево, ему была выделена квартира в отеле Ефтановича. Я видел юную пару лишь бегло перед отъездом, не подозревая, как скоро они станут императором и императрицей. (9)

А. Янза в данном случае, судя по всему, имеет в виду **Душана** Ефтановича (1884–1941) и его сестру Круну (1881–1966). Помимо названных, у Г. Ефтановича было еще трое детей: сыновья Манойло (1880–1955) и Здравко (1895–1965), а также дочь Драгица (в описанном эпизоде Артамонов имел в виду именно ее).

После смерти отца Душан вместе с братом Здравко унаследовал основную часть его состояния, в том числе отель «Европа», благодаря чему стал крупным предпринимателем, банкиром, землевладельцем, членом сараевского ротари-клуба (1930). Погиб, вероятнее всего, в

усташском концлагере Ядовно в мае-июне 1941 года. Владимир Дедиер приводит о нем следующие исключительно важные сведения:

Существуют и вторичные источники, которые говорят о том, что Пашич и Стоян Протич через градоначальника Белграда Манойло Лазаревича предостерегли Василя Грджича в Сараево. Накануне 28 июня 1914 года в Белграде находился Душан Ефтанович, один из правых сербских лидеров, которому Лазаревич рассказал, что ходят слухи, будто бы какие-то люди хотят перейти в Боснию с дурными намерениями кого-то убить, вероятно, эрцгерцога. Лазаревич попросил Ефтановича вступить в контакт с Василем Грджичем, дабы тот повлиял на молодежь и пресек ее в том желании. Ефтанович не воспринял всерьез это поручение, считая, что меры безопасности будут такими же строгими, как и во время визита Франца Иосифа в Сараево в 1910 году. Кроме того, похоже, Ефтанович не желал вступать в контакт с Грджичем, своим политическим противником. После 28 июня Ефтанович передал Грджичу этот наказ, но тот махнул рукой: «После боя копья в терновник» (После драки кулаками не машут)». (10)

Тот же эпизод с участием Д. Ефтановича другой источник излагает чуть иначе:

В мае 1914 года он вместе с отцом участвовал в собрании радикалов в Белграде, и, пользуясь случаем, градоначальник Белграда М. Лазаревич попросил передать В. Грджичу, что, по его сведениям, в Боснии готовится покушение на какого-то деятеля из верхушки австро-венгерской власти и нужно тому воспрепятствовать. После покушения на престолонаследника Франца Фердинанда арестован и отправлен в лагерь Бихач. Осужден на шесть месяцев заключения. После выхода на свободу поставлен под полицейский надзор и лишен ордена Франца Иосифа. (11)

К биографии М. Лазаревича:

Лазаревич Манойло (1875, Крагуевац – 8.10.1943, Белград) – по образованию юрист, крупный чиновник полицейско-административного аппарата. Начальник управы Белграда на протяжении 22 лет (1912—18; 1919—34), но и в этот короткий перерыв был начальником Белградского округа. (Управа Белграда существовала в период 1839–1944 годов и имела административные и полицейские функции, тогда как органом городского самоуправления являлась Община). Степень информированности Лазаревича о подготовке Сараевского преступления остается тайной. Но известно, что 17/30 июня 1914 года он направил министру внутренних дел донесение о том, что Танкосич (12) послал трех своих четников к Светолику Савичу, тогдашнему издателю газеты «Балкан», с угрозой, «что тот плохо кончит, если осмелится что-либо опубликовать о связях атентатора Чабриновича с отдельными личностями в Белграде». (13)

«Имел значительную власть и пользовался большой поддержкой короля Александра. Подвергался критике за чрезмерное использование репрессивных мер против сил, оппозиционных личной власти короля, особенно в период шестиянварской диктатуры». (14). Именно Лазаревичу как шефу городской полиции сдал свое оружие депутат Скупщины Пуниша Рачич, расстрелявший 20 июня 1928 пятерых своих хорватских коллег (двое погибли сразу, третий скончался позднее). Это политическое убийство побудило короля Александра ввести в Югославии монархическую диктатуру (6 января 1929 года).

Лазаревич был уволен со службы 27 декабря 1934 года, т. е. вскоре после убийства своего покровителя в Марселе. «Под оккупацией не выступал на публике, но был близок к своему поколению политических и полицейских функционеров. Его похороны явили картину заката династической идеи в Сербии, поскольку его провожали люди без какой-либо программы». (15)

Некоторые сведения о В. Грджиче:

Грджич Василь (1875, Гацко, Герцеговина – 26.10.1934, Белград) – видный деятель сербского движения в Боснии, близкий друг В. Гачиновича, «национальный борец, народный посланник, публицист... Был главным доверенным лицом «Народной одбраны» и связным с Белградом. Работал над расширением революционной организации. Точно не установлена его роль в Сараевском покушении. После покушения, 25 июля 1914 года, арестован и заключен в тюрьму в Сараево. В процессе по делу о государственной измене, организованном в Бая-Луке (1916), оказался в числе обвиняемых и был осужден к повешению. После обращения его друзей к новому австро-венгерскому кайзеру Карлу (1917) помилован и осужден к пожизненной каторге. Освобожден в 1918 году... После войны не был близок ко двору». (16). В других источниках указывается, что помилование произошло благодаря ходатайству испанского короля.

Как и Душан Ефтанович, был членом ротари-клуба в Сараево. Произнес патетическую речь на первой общей конференции ротарианцев Югославии 18 октября 1931 года. (17) О влиянии ротари-клубов в Югославии периода 30-х годов говорит тот факт, что на их годовой конференции в мае 1938 года присутствовал глава правительства М. Стоядинович с двумя министрами (в том числе финансов). (18)

«Когда минувшим летом мы несли к месту вечного упокоения Владимира Гачиновича, знаменосца «Млады Босны», Василь Грджич, возбужденный последними посмертными почестями, которые сельские соколы оказали пламенному идеологу этих краев, глотая слезы, прошептал: «Велика моральная сила у этого народа, если он так провожает своих заслуженных сынов: он никогда не пропадет!» (19)

С 1921 года в браке с Георгиной Стоянович, учительницей из Приедора. Дочь Лиляна (в замужестве Ристич). Похоронен с государственными почестями на Аллее великанов в Белграде при чинодействии патриарха Варнавы. Прощальное слово произнес епископ Николай Велимирович.

М. Лазаревич, а возможно, и В. Грджич, оказывается, еще в мае знали о готовящемся покушении, но посчитали за благо умыть руки. Знали, в отличие от профессионального русского разведчика Артамонова, первейшим служебным и гражданским долгом которого было добыть сии драгоценные сведения, а не прохлаждаться по морским курортам, на лоне райской природы мучаясь от угрызений своей «больной совести».

Извольский Александр Петрович (1856–1919, Париж) – министр иностранных дел России (1906–10), член Государственного совета (1909), посол в Париже (1910–17); англофил.

Лебеф Эдмон (1809–1888) – французский маршал (1870). Руководил артиллерией во время осады Севастополя. В 1869 году назначен военным министром и сохранил свой портфель до начала франко-прусской войны. Ввел в заблуждение страну и императора, заявив в министерском совете и в палате, что армия во всех отношениях готова к предстоящей войне.

Мамулов Г. (правильно: Мамулов Иосиф Гаврилович) – главный гонорарный переводчик русской миссии (драгоман), кавказец. Биографических сведений мало. Вот свидетельство посланника Г. Н. Трубецкого (преемника Гартвига):

Я имел счастье по прибытии в Сербию застать такой состав Миссии, какой только можно было пожелать. Первым секретарем был В. Н. Штрандман (*так в тексте – И. М.*), который был в Сербии еще во время балканского кризиса и который отлично знал и обстановку, и сербских политиков. Это был умный и способный молодой дипломат, большой патриот, который с любовью относился к делу. В контактах с сербами сохранял выдержку и такт и приобрел хорошие позиции в этой среде. Вторым секретарем был Зарин. В составе Миссии были также вице-консул Емельянов и секретарь Консульского отделения Якушев. Моим особым уважением пользовался переводчик Миссии Мамулов, бывший кавалерийский офицер, который уже двадцать лет находился в Сербии и знал ее душу. Говорил по-сербски, как серб, знал каждого, и все знали его, к тому же был и большим знатоком лошадей, что позднее, в момент отступления из Сербии, принесло исключительную пользу. (20).

В. Н. Штрандман, со своей стороны, добавляет:

На него /Мамулова/ я мог полностью опереться в некоторых вопросах внутренней и экономической политики. Он имел полезные связи в сербских общественных кругах, поскольку был женат на сербке из белградского высшего общества. (21)

Во время мировой войны Эмилия Мамулова (вместе с женами Штрандмана, Артамонова, фон Гизля, барона Гризингера, женой и дочерью Гартвига) работала сестрой милосердия в госпиталях Белграда.

В «Книге памяти Республики Северная Осетия» упоминается, что Мамулов Иосиф Гаврилович (1864, Моздок – 1930), грузин, крестьянин-единоличник, 14 марта 1930 года был осужден тройкой при ОГПУ к 10 годам ссылки в Северный край. Вряд ли это другое лицо.

Маринович Милутин (1861–1941) – военный министр (1909–10), комендант Скопье (1912), командир Шумадийской дивизии (1913). В период войны (1914–18) был интернирован в Австро-Венгрии. Шеф военной миссии в Вене (1919–20).

Милованович Милован (1863–1912) – министр иностранных дел Сербии (1908–11), председатель правительства (1911–12).

Мишич Живоин (1855–1921) – сербский военачальник, воевода; после войны до конца жизни возглавлял королевский генштаб.

Пашич Никола (1845–1926) – премьер-министр Сербии (1891–92, 1904–05, 1906–08, 1909–11, 1912–18) и Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918, 1921–24, 1924–26). Один из создателей (1881) Радикальной партии.

При новой династии, – отмечал русский посланник князь Г. Н. Трубецкой, – Пашич почти бессменно был у власти... Ему минуло 70 лет в первый год войны. Это был бодрый, крепкий старик с длинной седой бородой и с быстрым лукавым взором в совсем еще молодых голубых глазах. Он вел крайне умеренный образ жизни, не курил, не пил вина, рано вставал, а в 10 часов вечера обыкновенно уже был в постели. Благодаря такому образу жизни он сохранял удивительно крепкое здоровье и обладал громаднейшей трудоспособностью. Отличительной чертой его характера была спокойная уравновешенность и выдержка. Я видел его в самых тяжелых обстоятельствах

для Сербии. Он оставался все так же ровен и спокоен, и только по походке можно было догадаться о его душевном состоянии. (22)

По некоторым сведениям, до июня 1918 года поддерживал связи с Троцким, а через него и с Лениным, используя при этом боснийских социалистов. Это не выглядит странным, поскольку в молодости Пашич был последователем Бакунина (слыл социалистом и даже коммунистом). (23)

Попович Дамьян (1858–1928) – генерал, участник цареубийства 29 мая 1903 года, один из ближайших друзей Д. Димитриеви́ча-Аписа, член «Черной руки». Военный комендант Новых областей (1913—15). На Салоникском процессе (1917) осужден на 20 лет тюремного заключения.

Потиорек Оскар (1853–1933) – австро-венгерский фельдцейхмейстер (1909). С 1902 заместитель начальника Генштаба. С 1911 года председатель земельного правительства Боснии и Герцеговины и инспектор армии со штабом в Сараево, наместник Боснии и Герцеговины.

Потиорек происходил из Каринтии и говорил по-славянски с мукой; он очень усердно учил сербский язык, но, конечно, для пожилого человека это было нелегко и не могло удовлетворить автохтонного политика. (24)

28 июня 1914 года Поттиорек был пассажиром в машине, которая везла Франца Фердинанда, причем впоследствии убийца Гаврило Принцип утверждал, что пуля, сразившая супругу эрцгерцога Софию, предназначалась именно Поттиореку. С началом войны стал главнокомандующим австрийскими войсками на Балканах, показал себя некомпетентным полководцем. 27 декабря 1914 года уволен в отставку, на его место назначен эрцгерцог Евгений.

Прохазка Оскар, австрийский консул в Косове и Македонии, по рождению чех из Брно, внезапно исчез в ноябре 1912 года во время сербского наступления в районе Скопье. Вокруг этого происшествия австрийские газеты устроили большой шум, требуя немедленного вступления Австро-Венгрии в войну. Вскоре был обнаружен в Скопье живым и здоровым. Происшествие дважды упоминается в романе Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». В одном случае Швейк вставляет в свой рассказ следующие слова: «...А дело происходило в тысяча девятьсот двенадцатом году, когда нас собирались послать против Сербии из-за консула Прохазки». В другом случае подпоручик Дуб, вспоминая об одном из событий, говорит, что «это было, следовательно, в Балканскую войну, во время аферы нашего консула Прохазки». Пражский фельетонист Эгон Эрвин Киш передает народный анекдот о том, что Прохазка отправил в Вену телеграмму, которую служащий от усердия переврал так, что вышло, будто бы тот не приехал в Скопье (по-сербски: дошао у Скопљу), а дошел оскоплен.

Путник Радомир (1847—17.05.1917, Ницца) – начальник Главного генералштаба (1903—04; 1908—12), военный министр (1904—05, 1906—08, 1912), начальник штаба Верховного командования (1912—16). Первым получил высшее в сербской армии звание воеводы (1913). Известие о начале войны застало Путника на австрийском курорте. По дороге домой был арестован в Будапеште и получил свободу только после личного приказа главы австрийского генштаба Конрада фон Хетцендорфа, который, по-видимому, не воспринимал всерьез полубольного Путника. Но под его руководством сербы смогли остановить противника, после чего на Балканском театре установилось длительное затишье до осени 1915 года, когда австро-германская армия прорвала фронт. Сербия была оккупирована, ее армия вместе с Путником эвакуировалась на греческий остров Корфу, и в январе 1916 года он был отправлен в отставку.

Романовский Георгий Дмитриевич (1877 – ок. 1936, Белград) – генерал-лейтенант (1917). С февраля 1911 года военный агент в Болгарии. Во время мировой войны на штабных должностях. В мае – сентябре 1917 года исполнял должность начальника Генерального штаба. После революции на службе в РККА в августе 1918 года по собственному прошению уволен

в отставку. Принимал участие в Белом движении в Сибири и на Дальнем Востоке. В апреле 1920 года эмигрировал в Японию; в ноябре 1922 года переехал в Королевство СХС.

Спалайкович Мирослав (1869–1951) – генеральный секретарь сербского МИД (1907—11), посланник Сербии в Болгарии (1911—13), России (1913—19) и Франции (1922—35), и. о. министра иностранных дел Королевства СХС (1920). Считается одним из поджигателей Первой мировой войны, и не без резона, ибо в критический момент сознательно дезинформировал Пашича. Так, в телеграмме от 26 июля сербский посланник в Петербурге сообщал, что «русская армия перейдет границу в тот момент, когда Австро-Венгрия нападет на Сербию». Подчеркивая, что в Петербурге «с нетерпением ожидают начала войны», Спалайкович подчеркивал, что момент «исключительный», ибо Россия решила идти до конца и осуществить историческое дело. Телеграмма завершалась так:

По моему мнению, нам предоставляется блестящий шанс мудро воспользоваться ситуацией и осуществить полное объединение сербов. Отсюда было бы желательно, чтобы Австро-Венгрия напала на нас. В этом случае – вперед во имя Бога! (25)

После предъявления австрийского ультиматума умолял русского министра иностранных дел С. Д. Сазонова спасти Сербию. Россия дала гарантии помощи, и сербы отвергли австрийский ультиматум, что стало поводом к началу войны (Спалайкович всегда гордился своим поступком). Не менее провокационной выглядит его телеграмма, полученная Пашичем 29 июля:

Я сообщил русскому правительству, что Австро-Венгрия уже напала на Сербию и бомбардировала Белград. Русское правительство сразу же провело совещание, на котором было констатировано, что после этого исключено всякое компромиссное решение и вынесено решение о войне, которая будет объявлена, как только завершится мобилизация и концентрация всей армии; тем временем продолжатся переговоры с Германией, но лишь с тем, чтобы прикрыть собственные намерения и выиграть время. Этот план будет тем бесспорнее проведен, если Австро-Венгрия удовлетворится захватом Белграда и отдельных пограничных точек. Таким образом, жребий брошен. Прошу вас, держитесь смело и не падайте духом. Сообщите это доверительно престолонаследнику ради его ориентации, ободрения и выдержки. (26)

Когда после революции большевики арестовали румынского посланника, Спалайкович вместе с другими дипломатами пошел к Ленину требовать его освобождения. По словам тогдашнего американского посла Джорджа Кенана якобы плюнул Ленину в лицо; по другой легенде выкрикнул: «Вы убийца и выродец славянской расы. Я вам плюю в лицо!». Ленин же в ответ якобы сказал, что он больше любит такую искренность, чем дипломатическое увеливание. (27)

26 февраля 1918 года Спалайкович покинул Россию, намереваясь попасть в Европу в обход Германии. Однако в Финляндии ему, как и другим дипломатам, было отказано перейти в нейтральную Швецию, причем как красными, так и белыми финнами. Вынужден был вернуться и 1 апреля приехал в Вологду, где встретился с князем Иоанном Константиновичем и его женой, сербской княгиней Еленой Петровной. С июля 1918 года – представитель Антанты в Архангельске; в 1919 году отбыл за границу. В годы Второй мировой войны поддерживал режим генерала Милана Недича, был одним из его главных идеологов. Умер во Франции.

Супруга: Драгица Ефтанович (1888). Дети: Воин (1912), Ольга (1916), Мирослав (1917) Войка (1920)

Стефан Душан (ок. 1308–1355) – сербский король с 1331, царь сербо-греческого царства с конца 1345 года; из династии Неманичей. Известен также как Душан Сильный.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926, Берлин) – начальник русского Генштаба (1908—09), военный министр (март 1909 – июнь 1915), генерал-адъютант (1912). После отставки обвинен в ряде должностных преступлений, вплоть до государственной измены. В апреле 1916 года арестован, содержался в Петропавловской крепости. С октября 1916 года под домашним арестом, в апреле 1917 года предан суду. Приговоренный Сенатом к лишению всех прав состояния и к пожизненной каторге находился в заключении до 1 мая 1918 года. Получив амнистию, эмигрировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.